

Кануны

КОНЕЦ 29-ГО ГОДА, ПРИБЛИЖАЛИСЬ ВРЕМЕНА, ВЕЛИЧАЙШИЕ ПО СВОЕМУ ТРАГИЗМУ, ГРАНДИОЗНЫЕ ПО СВОЕМУ ЗНАЧЕНИЮ ДЛЯ БУДУЩЕГО. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТРАНИЦАМИ РОМАНА В. И. БЕЛОВА.

Уверен, что чаще всего за последние годы Василий Белов слышал такой вопрос: когда выйдет продолжение «Канунов»? Спрашивали, с нетерпением ждали, и не только читатели, но и писатели.

И вот наконец вопросы разрешились — опубликована третья часть романа, имеющего подзаголовок «Хроника конца 20-х годов» (журнал «Новый мир», № 8, 1987). Картина народной жизни набросана скрупулезно, но живыми мазками. Крестьянский мир по инерции веков еще катит свои волны вперед — роговуху сосет младенец, достраивает мельницу Павел, клонит в сон старика Никиту Ивановича, но он встряхивается и еще пронзительнее всматривается в жизнь; сходится на звуки гармони молодяшка. Все еще впереди, «приближаются времена, величайшие по своему трагизму, грандиозные по своему значению для будущего...». На первых же страницах третьей части — замечательная сцена с бесами, заставляющая вспомнить роман «Все впереди», и другие произведения Белова и вспомнить многое из русской классики. Первые тени падают на землю Шибанихи и Ольховицы...

Нельзя сказать, что писатель «внимательно исследует» такие характеры, как Сопронов или новоиспеченный начальник Куземкин, он пишет скорее летопись, чем психологический роман. Но сами эти характеры, вернее, типы, проясняются для нас в своей ущербной и страшной сущности. «Сами возрастили» Игнаху Сопронова, мужики это понимают, но от этого не легче. К тому же Сопроновы, которые «сопрут» еще всю страну, развиваются, как микробы, лишь в благоприятном климате, при определенных обстоятельствах. Когда, например, есть в стране большие силы, хотящие разделять и властвовать; и их не устраивает самостоянье Никит Ивановичей... Любопытен в этом смысле и уполномоченный Фокич, который оказывается невероятным игруном и плясуном, фигура по-гоголевски парадоксальная. Через эту фигуру видишь и время (фантастическое) и черты национальной психологии (пораженные пляской Фокича, все вдруг стали записываться в колхоз).

Немало интересных сцен в романе. Например, то место, где тонуший безбожник Сопронов молит господу бога о спасении! Или — как его жена берет (то есть ворует) у соседки дрова, «наивно» полагая, что все на свете теперь общее. Или сцены сельских собраний, иногда безтолковых, иногда тягуче-горестных. А в городах многие меняли фамилии. «Путаница копилась не только в именах и фамилиях, уже и самые проворные бюрократы не знали, где право, где лево; чистка, как чума или холера, почем зря косила их ряды, но ряды заполнялись новыми, и все клубилось везде подобно осеннему дыму. Многие совслужащие растерянно ждали новых невзгод, те, что похитрее, бросали работу и меняли место житья. Новое место — сам новый. Благо для переездов хоть отбавляй всяких возможностей. Основательная административная перетряска шла по всему необъятному лесному простору от Белого моря до Шексны...».

Но не стоит пересказывать содержание, тем более, что роман опубликован еще не полностью. По этой же причине не будем пока сопоставлять его с другими произведениями об этом времени — например, с новым романом Бориса Можая «Мужики и бабы», где в послесловии приведены такие слова Ленина: «Нет ничего глупее, когда люди, не знающие сельского хозяйства и его особенностей... считают себя во всем учителями крестьян». Надо учиться у крестьян способом перехода к лучшему строю и не смей командовать! Теперь-то ясно, какая значительная часть крестьянского опыта, нравственного и производительного потенциала, была нами утрачена. Об этом же говорит и хроника Василия Белова: один из его героев спрашивает — «для чего какой-то новый колхоз, ежели он у нас есть, да еще и не один?» — имея в виду маслоартели, ТОЗы и другие виды кооперации, которые не только не противоречили социализму, но были самым эффективным средством их осуществления в деревне. Но на такие вопросы демагоги от революции сразу отвечают: «Правый уклон!.. бухайинские реплики!» Писатель тонко за-

мечает все подобные передегеривания, когда словесные игруны резко переводят спор с экономики на «политику».

А большая политика — на уровне, скажем, губернии или Калинин в Москве, — показана пока лишь эпизодами, намеками, и тут пока ничего не ясно. Кроме того, пожалуй, что Отто Юльевич Шмидт, занимавшийся в стране кооперацией, забросил ее и «отшатнулся к ледокольному делу».

На многие мысли наводит роман Белова. Конец 29-го года, канун братоубийственной сечи. А чем, думаешь, занимаются люди в городах? Кроме того, что меняют конторы, ждут новых перетрясок и паек зарабатывают. Заметим, что в нашей литературе до сих пор нет произведения, которое бы объединило, захватило вместе город и деревню 20-х или 30-х годов, и сделало это честно и достаточно полно. Не случайно все это. Вспомните хотя бы «Поднятую целину» Шолохова, где прямо чувствуешь, как будто писателю отвели некую дозволенную территорию, и в сторону от нее — ни ногой! Только сделаешь шаг к городу — сразу окрик или внутренний голос: «Стой! Запретная зона...»

Так что же делают горожане в самом конце двадцатых годов? Чем, скажем, писатели занимаются? О чем пишут в то самое время, когда самые работающие люди деревни не могут уплатить растущие налоги, когда Сопронов включает их в свой «черный список», который вот-вот станет роковым. Когда сделан, подмеченный Беловым, первый удар по семье (бобылей государство не трогает), и, кажется, вообще выгодней не работать, во всяком случае, на земле... Так чем же занимались писатели? В каких толстовских листовках «не могу молчать!» вещали они горькую правду века?! Прочел я как раз воспоминания об одном известнейшем поэте. В 29-м году его в основном занимали любовные страсти и квартирный вопрос — купить ли себе третью квартиру в Москве или нет. Как можно жить интересами страны, не зная более 80 процентов ее населения, ведь Россия была насквозь крестьянской! Как можно было почти ни строчки не написать об этом крестьянстве! Впрочем, были борзописцы, которые писали о деревне, но в розовом цвете, или ставили фильмы о романтических пастухах и безобидно-смешных чиновниках, приезжающих в село...

Хроника Василия Белова подталкивает заглянуть и в самое начало 20-х годов. Это время чем-то похоже на наше нынешнее. Тогда в стране был, пожалуй, расцвет кооперации. Об этом можно судить хотя бы по выходившим тогда журналам: «За работу!» (Великий Устюг), «Кооперация Севера» (Вологда) и многим другим. Но надо сказать, что кооперативное движение в городе и деревне началось еще до революции. Например, Сеньговская молочная артель Раменской волости (видимо, Грязовецкого уезда) отметила в 1923 году свое 15-летие. В ней было 543 члена из 23-х деревень, до 2500 человек кооперированного населения. А в одном из рассказов писателя-земляка А. Соболева, очевидца событий, блестяще показано, как в начале 20-х годов артель могла проиграть кулаку — стоило лишь в ней завестись маленькому червя бюрократий.

В третьей части «Канунов» как-то особенно ощущаешь уровень сегодняшней беловской прозы. Это проза, которой не нужны никакие эффекты и украшения, стиль ее, повторю, суховат и экономен. Тут вспоминается проза родоначальника нашей новой литературы, и его слова о том, что главное в прозе — мысль и мысль. Ждешь иногда, что вот здесь Белов не просто блеснет своим юмором, (это-то есть), а как и раньше, заставит смеяться еще и еще раз; а вот здесь — развернет описание, плеснет живописи щедрой рукой или добавит психологии. Но автор упорно уходит от этого во имя главного. И дело не только в теме или жанре. Писатель достиг уже того уровня, когда при всем богатстве своей палитры он сдержан и требователен к себе до предела, когда он не лепит образ на образ, а лишь отсекает от природной глыбы все лишнее... И именно потому, наверное, каждая фраза вдруг начинает звучать, наполняется художественной красотой и смыслом.

Вячеслав БЕЛКОВ.